
Онъ благословилъ насъ въ даль-
ній путь дорогу, и облегченные
его теплымъ, сердечнымъ напут-
ствиемъ, мы смѣло могли глядѣть

въ свое будущее, вполне готовые
крѣпко хранить въ себѣ его свя-
тые завѣты.

Россія, Евразія, Византія *).

Наша эпоха снова ставитъ во-
просъ о мѣстѣ Россіи въ Европѣ,
какъ собирательной „христіанской
націи“. Старый споръ между сла-
вянофилами и западниками о томъ,
идетъ ли Россія съ Европой, или
она идетъ путями отличными отъ
путей Европы и даже противъ
Европы, продолжается. И запад-
ничество, и славянофильство, каза-
лось, исчерпавшіе свой аргументы,
возрождаются съ новой аргумен-
таціей на основѣ пережитого
историческаго опыта. Это воз-
рожденіе историко-философской
рефлексіи свидѣтельствуетъ о
томъ, что революція замкнула
цѣлый періодъ русской исторіи
— Петербургскій — и замкнула
такъ, что — по общему сознанию —
„къ прошлому возврата нѣтъ“ :
передъ Россіей — новая дорога,
еще невѣдомо куда ведущая.
Отсюда естественно рождаются
раздуміе, растетъ тревога, тра-
гическія недоумѣнія о судьбахъ
Россіи, о сфинксѣ Русской исторіи.
Мы спрашиваемъ себя — при
рѣзкости и радикализмѣ въ исто-
рическихъ переворотахъ — сохра-
няется ли единство русской души ?

Не одна Россія знала эти кру-
тые переломы національной жизни,

мѣняла свой духовный обликъ.
Мы привыкли говорить упрощенно
о чужой національной душѣ, пред-
ставляя ее болѣе статичной. Но
на нашихъ глазахъ произошло
перерожденіе великой націи :
Германія — за сравнительно
короткій періодъ — пережила
два перелома. Если судить о
нѣмцахъ по произведеніямъ рус-
скихъ писателей начала и середины
19 вѣка —, а они, конечно не
выдумывали, а писали съ натуры
— передъ нами — типъ роман-
тика, идеалиста, человѣка, отрѣ-
шеннаго отъ жизни. Потомъ —
послѣ революціи 1848 года обо-
значились новые пути созиданія
Германской имперіи, Германіи
трезвой, реалистической, Герма-
нии Бисмарка и Лассалля, Германіи,
совершившей поворотъ „отъ Канта
къ Круппу“. Изъ состоянія ро-
мантической анархіи возникла
мощная индустріальная имперія,
мечтающая о міровомъ господствѣ.
Неудачная война 1914—18 года,
и Германія становится неврасте-
ническимъ народомъ фантастовъ,
одержимыхъ бредовыми идеями.
Но мы чувствуемъ, что новая Гер-
манія связана съ Германіей Би-
смарка и Лассалля — такъ же, какъ
Германія Бисмарка связана съ
Германіей Фихте. Мы предпола-
гаемъ, что метафизическое един-

*) Запись по памяти доклада проф.
Г. П. Федотова.

ство Германіи сохраняется во всѣхъ этихъ переворотахъ. Это же вѣрно и для Россіи, которая не разъ мѣняла свою историческую дорогу, но вѣримъ, сохраняла единство своей метафизической сущности.

Что же такое Россія, какъ историческое явленіе, и что такое русская историческая культура? На это, конечно, невозможно отвѣтить точнымъ опредѣленіемъ. Но возможенъ другой, исторически болѣе оправданный подходъ къ этому вопросу: мы можемъ искать историческое мѣсто Россіи, отвѣчая не на вопросъ о томъ, что есть Россія, а устанавливая ея духовную генеалогію (родословіе) и опредѣляя ея мѣсто въ духовной географіи христіанскихъ культуръ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ западниковъ гласитъ, что Россія, поскольку она является культурной страной, есть страна европейская, при чемъ Европа понимается въ смыслѣ Западной Европы.

Этотъ отвѣтъ вводилъ Россію въ семью западныхъ народовъ наряду со всѣми другими, какъ одну среди многихъ. Опытъ русской революціи во многомъ подрываетъ западническую теорію, но все же окончательно ея не разрушаетъ.

Что можно сказать въ защиту положенія, что Россія является органической частью Западной Европы?

Мы русскіе, никогда не утрачивали способности понимать Западную Европу, равно какъ и Европа способна понимать насъ — между нами и европейцами устанавливается единство, какого

нѣтъ между Китаемъ и Европой, между Индіей и Европой. Достаточно указать на пониманіе и воспріятіе хотя бы русской литературы, успѣхъ Достоевскаго, Толстого. — Толстой усвоенъ въ полной степени; нѣсколько поколѣній западныхъ писателей на немъ училось. О Достоевскомъ позволительно сказать, что онъ становится болѣе европейскимъ писателемъ, чѣмъ русскимъ, такъ какъ сомнительно, чтобы будущая Россія жила Достоевскимъ такъ, какъ жили мы. Всѣ европейскіе писатели, художники и всѣ духовныя направленія (за исключеніемъ, быть можетъ французскаго классицизма) легко и свободно входили въ русскую культуру. Общеніе въ высшихъ цѣнностяхъ указываетъ на большое внутреннее единство.

Западничество, слѣдовательно, не легкомысленная ересь, а теченіе, отвѣчающее психологической и метафизической истинѣ близости между Западомъ и Россіей, опирающееся на фактъ взаимнаго пониманія большихъ духовныхъ цѣнностей.

Но все же остается фактомъ, что, вступая на путь Запада, Россія должна была порвать — и порвать рѣзко и круто — съ прошлымъ, должна была растоптать многія святыни и цѣнности, отъ которыхъ не имѣла права отказываться, и которыя мы съ такимъ трудомъ возстанавливаемъ изъ-подъ развалинъ петербургскаго періода.

Трудно даже представить себѣ, какой ущербъ понесло философское и богословское сознаніе православія за послѣдніе два

вѣка. Мы облакали въ католическія и протестанскія формулы содержаніе, по существу чуждое западному опыту; мы отреклись отъ традицій и древне-русскаго искусства. — Соприкосновеніе съ западной культурой сдѣлало чрезвычайно труднымъ возрожденіе древне-русской традиціи. Въ области философіи, въ области научнаго знанія русская мысль въ теченіи всего 19 вѣка мучительно преодолевала традиціи Запада, чтобы притти къ построенію русской философіи, не просто повторяющей древнюю философію, но отвѣчающей въ чемъ то основному древней эллинской традиціи. Наше духовное и философское возрожденіе 19—20 вѣка проходило подъ знакомъ борьбы съ Западомъ и возвращенія къ инымъ началамъ. Отрѣшиться отъ сознанія этого факта мы не можемъ: какъ ни доступенъ намъ Западъ, какъ ни велико сознаніе единства, въ самомъ основному и глубокомъ мы чувствуемъ и расхожденіе съ нимъ.

Но если Россія не просто входитъ въ семью европейскихъ народовъ, какъ ея составная часть, въ чемъ своеобразіе Россіи, что объясняетъ ея неспособность вложиться въ западно-европейскую семью?

Отвѣты на эти вопросы были различны. Въ славянофильскомъ отвѣтѣ была органическая двусмысленность, сказавшаяся въ самомъ наименованіи — „славянофиловъ“. Оно ставило удареніе на языковомъ, даже расовомъ, природномъ началѣ: Россія есть часть своеобразной семьи славянскихъ народовъ, которая можетъ и должна развивать свою

культуру въ противовѣсъ культурѣ романо-германской. Эта мысль у славянофиловъ осложнена другой: общеславянское не въ томъ что обусловлено общностью крови, языка, расы, а въ томъ, что принесено славянамъ православіемъ, что у нихъ отъ православія. Съ этой точки зрѣнія чехи и поляки, хотя и принадлежащіе къ славянской семьѣ по крови, но не исповѣдывающіе Православія, являлись выпавшими изъ славянскаго единства. Такимъ образомъ въ славянофильствѣ двѣ идеи сплетались своеобразно — идея примата расы и идея примата греческой православной культуры.

Примѣръ Польши показываетъ ложь упрощеннаго расоваго пониманія: идея славянскихъ народовъ сама по себѣ не способна обосновать глубокаго единства, ибо славянство само расколосъ, примкнувъ къ двумъ религіознымъ и культурнымъ мірамъ — восточному и западному. И расхожденіе между двумя его половинами не лингвистическое, не кровно — этническое — ибо одни и тѣ же племена вошли въ тѣло и Польши и Бѣлоруссіи — а расхожденіе, порожденное различіями религіозно-культурными. Отказавшись совершенно отъ расоваго обоснованія русской культуры, мы можемъ сохранить вторую идею славянофильства.

Въ годы, послѣдовавшіе за революціей, анти-западническая тема съ большой силой и блескомъ представлена евразійствомъ — теченіемъ сроднымъ славянофильству и вмѣстѣ — и противоположнымъ ему въ обоихъ его тезисахъ.

Укажемъ въ видѣ краткихъ

положений положительныя и отрицательныя стороны евразійства.

Въ чемъ правда Евразійства? Прежде всего, конечно, въ указаніи на большую легкость общенія Россіи съ Востокомъ. Это — нашъ психологическій опытъ. Русскіе люди съ трудомъ вступаютъ въ тѣсное, бытовое общеніе съ Западомъ, должны быть все время на сторожѣ, держать себя въ рукахъ, воспитывать себя для этого общенія. На Востокъ же по существу, какъ будто бы въ совершенно чуждой средѣ — ощущаютъ себя легко, безъ усилій осваиваются съ бытомъ. Легкость бытового общенія съ Востокомъ — примѣчательный фактъ, отъ котораго можно отправляться. При соприкосновеніи съ Востокомъ обнаруживается далѣе большое сродство вкусовъ, близость мотивовъ орнаментальнаго искусства, музыки. Въ восточныхъ украшеніяхъ узнаемъ знакомыя черты русскаго орнамента, русскія луковки — главы церквей — неожиданно встрѣчаются въ зодчествѣ Индіи и т. д.

Это сознаніе единства орнаментальнаго стиля съ Востокомъ охватываетъ русскіхъ людей при возвращеніи съ Запада, — въ своеобразіи Москвы чувствуешь дали Китая, Индіи. Это чувство поверхностно и быстро проходитъ. Современные лингвисты — евразійцы — кн. Н. С. Трубецкой, Якобсонъ — много сдѣлали, чтобы установить общность звуковыхъ законовъ въ средѣ такъ называемой евразійской группы народовъ: звукъ „ы“ присущій какъ русскимъ, такъ и народамъ „туранской семьи“; масса словъ

туранскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ и т. д. Наконецъ, если обратить вниманіе на государственный строй древней Руси и Запада, различіе оказывается весьма значительнымъ.

Европейскія государства преимущественно государства правовыя, тогда какъ Московское царство носитъ ясно выраженный восточный „служилый“ характеръ: Евразійцы говорятъ о монгольскихъ корняхъ русскаго государства — видятъ въ немъ созданіе Чингизъ-Хана. Восточный типъ государства прямая противоположность западному: это государство, лишенное момента свободы, утверждающее приматъ государственныхъ цѣлей надъ личными, государство съ неограниченнымъ вмѣшательствомъ во всѣ сферы личной жизни, однако же, проникнутое сознаніемъ долга осуществленія не права, но правды.

Эти черты подмѣнены евразійцами вѣрно. Хотя еще Карамзинъ говорилъ, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ“, но до конца и въ серьезъ связь русскаго государства съ татарскими корнями не была изслѣдована. Во всемъ этомъ евразійство имѣетъ несомнѣнныя и большія заслуги. Есть у евразійства и политическая заслуга — оно пыталось замѣнить понятіе русской или великорусской націи болѣе широкимъ и объемлющимъ („евразійская нація“).

Евразійство — теченіе несомнѣнно національное по своему происхожденію, но преодолевающее узкій націонализмъ: евразійство дѣлаетъ русскую струю одной изъ многихъ въ цѣломъ Рос-

си, открываетъ мѣсто другимъ народамъ, живущимъ на территории Россіи, въ качествѣ равноправныхъ строителей русской культуры и государственности.

Въ чемъ же неправда евразійства? Коренная ошибка и неправда его въ томъ, что своеобразіе Русской культуры конституируется имъ безъ отношенія къ той основѣ, на которой вырастаетъ всякая культура — безъ отношенія къ основѣ религиозной.

Между православною Россіей и восточными, преимущественно магометанскими народами, входящими въ составъ Евразіи, религиозно, казалось бы, нѣтъ ничего общаго.

Какимъ образомъ евразійцы, именующіе себя православными и такъ много говорящіе о приматѣ религиознаго начала — могутъ объяснить этотъ поразительный фактъ, что христіанская нація оказалась менѣ связанной съ другими (западными) христіанскими націями и болѣе близкой къ язычникамъ и магометанамъ.

На это евразійцы пытались дать два отвѣта. Одинъ отвѣтъ — чисто натуралистическій. Забывая о „бытовомъ исповѣдничествѣ“, одни евразійскіе идеологи, пытаются истолковать основы культуры натуралистически и говорятъ, что особенности русской культуры до конца объясняются природными факторами — географическимъ положеніемъ, свойствами почвы и т. д. Единство евразійскаго міра объясняется тѣмъ, что культуры, живущія въ однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ, обнаруживаютъ большую общность.

Въ такомъ истолкованіи генезиса культуры евразійство воз-

вращается къ натурализму 18 вѣка или къ позитивизму Бокля (Данилевскаго), отрицающему религиозное воспріятіе культуры.

Другое истолкованіе хочетъ сохранить значеніе религиознаго начала и избѣгать натурализма. Эти попытки встрѣчаются даже у тѣхъ философовъ евразійства, которые даютъ и чисто натуралистическое объясненіе факта своеобразія русской культуры (кн. Трубецкой).

Обращая вниманіе на религиозное своеобразіе Русскаго народа, они объясняютъ его тѣмъ, что религиозная душа русскаго человека совпадаетъ съ религиозной душой народовъ Востока.

Такое утвержденіе было высказано. Оно является явнымъ вызовомъ христіанству, какъ вселенской религіи.

Въ московскомъ православіи, дѣйствительно, произошло своеобразное прерожденіе — на первый планъ выдвинулась обрядовая сторона, расцвѣлъ законнический моментъ. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію евразійцевъ, установилась такая близость къ магометанству, что въ обрядѣ, во внѣшнемъ выраженіи своей религиозной жизни русскіе православные и магометане предстоятъ предъ Богомъ — предъ своей святыней — одинаково: у каждаго свой законъ, своя правда, но переживанія ихъ, религиозный опытъ — тождественны.

Для обоснованія этого взгляда евразійцамъ пришлось стилизовать московское православіе, изгнать изъ него всѣ мистическія связи съ Византіей и съ тѣмъ, что было самага глубокаго и мистически значительнаго въ

древней русской мысли и жизни. Всѣ другіе грѣхи евразійства оказываются болѣе легкими и простительными по сравненію съ этимъ основнымъ грѣхомъ. Евразійство беретъ отъ русской исторіи только Москву: считая началомъ русской исторіи моментъ завоеванія Руси монголами, оно ставитъ крестъ надъ Новгородомъ и Кіевомъ, т. е. вычеркиваетъ изъ русской исторіи наиболѣе блестящія и культурно-значительныя эпохи, завѣщавшія Москвѣ все ея духовное богатство — иконографію, письменность, самую святость.

Тотъ же грѣхъ совершаютъ они и передъ Петербургомъ: подчеркивая явленія упадка, связаннаго съ духовными вліяніями Запада, и забывая, что именно въ Петербургѣ впервые за тысячелѣтіе расковано русское слово. Какимъ образомъ Россія — изживая, якобы себя — могла произвести Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого? Вопросъ остается безъ отвѣта.

На имени Достоевскаго слѣдуетъ остановиться: евразійцы относятся къ нему съ прямой ненавистью. Изъ наслѣдія 19 вѣка они принимаютъ Лѣскова, принимаютъ Толстого, но не могутъ принять Достоевскаго. Историческія построения русской культуры, не могущія вмѣстить въ себя Достоевскаго или Толстого явно односторонни, являются слишкомъ узкими концепціями Русской исторіи. Евразійцы слишкомъ много выбрасываютъ за бортъ для того, чтобы сохранить стилизованную Москву. Если русская культура будетъ создаваться въ тонахъ евразійства, —

она будетъ культурой въ шорахъ, культурой въ колодкахъ.

Какъ совмѣстить правду и неправду евразійства?

Русская дѣйствительность предстоитъ передъ нами въ очень сложныхъ взаимоотношеніяхъ съ Востокомъ. Въ началѣ Русь вступаетъ въ борьбу съ Востокомъ (борьба кіевской Руси съ кочевниками, со „степью“), въ борьбу за Христа противъ язычества, противъ Ислама, но въ этой борьбѣ, даже внѣшнѣ побѣждая, Россія иногда оказывалась побѣжденной внутренне: плѣненность Востокомъ — сопутствующій моментъ русскаго крестоноснаго служенія.

Это участь не только Россіи — Западный христіанскій міръ, борясь съ Востокомъ, тоже не могъ удержаться отъ восхищенія передъ Востокомъ: рыцари-крестоносцы приносили на Западъ арабскіе вкусы, искусство, науку, даже арабскія ереси.

16 вѣкъ въ исторіи Россіи былъ временемъ особаго затопленія восточными элементами. Татарскіе выходцы, даже некрещенные, входятъ массаами въ составъ служилаго дворянства, проникаютъ въ придворные круги, восточная утварь заполняетъ боярскій бытъ, какъ западная въ слѣдующій — 17 вѣкъ: приемы иностранныхъ пословъ происходитъ по церемоніалу, заимствованному у татаръ, соколиная охота создается по персидскимъ образцамъ. Отгородившись отъ Запада непроходимымъ барьеромъ, Россія смотрѣла на Востокъ: Востокъ — отъ ближайшихъ къ Россіи ханствъ до предѣловъ Индіи и Китая — былъ привычнымъ міромъ.

Россіи, въ которомъ она должна была ориентироваться, съ которымъ должна была сблизаться, хотя и завоевывала его шагъ за шагомъ.

Эта ориентализація Россіи евразійствомъ подмѣчена вѣрно, но только съ тѣмъ ограниченіемъ, что она относится къ сравнительно недолгому періоду русской исторіи, длившемуся всего около полутора вѣковъ. Въ 17 вѣкѣ Россія поворачивается лицомъ къ Западу. Именно на Западъ — черезъ — Польшу — она ищетъ утраченныхъ основъ духовной культуры и даже пытается съ помощью Запада достигъ осмысленія своихъ религіозныхъ цѣнностей (Кіевскій періодъ русскаго богословія).

Отъ евразійскаго востока возвращаемся къ темѣ Византіи, намѣченной уже отчасти, какъ мы видѣли, славянофильствомъ. Славянофилы уже говорили, что вся цѣнность русской культуры объясняется тѣмъ, что она выросла на почвѣ Византіи (а не Рима).

Можно утверждать, что именно въ византійскомъ происхожденіи русской культуры ключъ ко всему ея своеобразію — и вмѣстѣ съ тѣмъ — къ ея двойственности, къ ея открытости и для Востока и для Запада.

Византія представляетъ органическое, глубокое соединеніе эллинизма съ восточными элементами. Политически Византія есть продолженіе греко-римской имперіи. Византія въ своей основѣ, какъ и греко-римская имперія, была эллинистической: ея языкомъ былъ языкъ греческій, она унаслѣдовала культурныя традиціи эллинскаго міра. Но вмѣстѣ

съ тѣмъ она восприняла много элементовъ Востока, — особенно со временъ Діоклитіана, — она настолько ориентализировалась, что даже идетъ споръ, нельзя ли ее считать чисто восточнымъ міромъ.

Но несомнѣнно, что основной стволъ Византіи — преемницы греко-римской имперіи — греческій. Византія — это ориентализированный эллинизмъ, но все же эллинизмъ. И не случайно, что она сохранила самое основное — греческій языкъ и сохранила его — по сравненію съ классическимъ языкомъ — въ несравненно болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ средніе вѣка — латинскій языкъ по сравненію съ классическимъ языкомъ Рима.

Степень ориентализаціи различныхъ сторонъ жизни и быта въ Византіи была не одинакова. Наибольшей ориентализаціи подверглась политическая жизнь. Старыя гражданскія свободы, широкое развитіе свободныхъ городскихъ общинъ — государствъ (*πόλις*) уступили мѣсто восточной бюрократической централизаціи.

Государственное Византійское сознание носитъ опредѣленно экуменической (*ἡκουμένη* = вселенная) характеръ. Византійская имперія — въ идеѣ — универсальна — всѣ христіанскіе народы должны войти въ ея составъ. Если Западъ обособился, то — это съ точки зрѣнія византійскаго сознанія, — недолжное состояніе, проявленіе бунта. На русскихъ князей — послѣ принятія Русью христіанства — византійскіе императоры смотрятъ какъ на своихъ вассаловъ. Въ этомъ — традиція римскаго универсализма. Переходя къ явленіямъ духовной куль-

туры, необходимо отмѣтить, что ориентальныя мотивы и приемы сильны въ византійскомъ искусствѣ; въ этомъ отношеніи есть разительная противоположность между эллинскимъ и византійскимъ искусствомъ. Но всеже — эллинскія традиціи никогда не умирали, и ихъ жизненность и сила обезпечивали возможность извѣстныхъ ренессансовъ византійскаго искусства въ смыслѣ оживанія въ немъ эллинскихъ мотивовъ.

Въ области мысли философско-богословской — восточныя вліянія были очень слабы — философская мысль Византіи живетъ наслѣдіемъ Платона и Плотина, впрочемъ и Аристотеля.

Не умираетъ также изученіе Гомера, греческихъ трагиковъ.

Если Византію опредѣляютъ, какъ ориентализированный эллинизмъ, а Римъ, какъ романизированный эллинизмъ, то эллинизмъ и есть общее мѣсто, роднящее Западъ и Востокъ. Именно черезъ эллинизмъ, воспринятый Россіей вмѣстѣ съ Византійскою культурой, Россія имѣетъ общее достояніе съ Западомъ. Отсюда возможность пониманія даже чуждаго намъ римскаго юридикса. Отталкиваясь отъ крайнихъ его выраженій, мы понимаемъ значеніе права, потому что за этимъ правомъ стоитъ эллинская мысль, и мы находимъ съ Западомъ общій культурный домъ на почвѣ дохристіанскаго эллинизма.

Утверждать это еще не значитъ утверждать, что Россія просто продолжаетъ Византію или занимаетъ по отношенію къ ней положеніе покорнаго ученика. Сказать это о Россіи такъ же

нельзя, какъ нельзя и о Западѣ сказать, что онъ есть продолженіе Рима.

Между современными культурами и культурой римской лежить цѣлый рядъ историческихъ переворотовъ: нерѣдко національныя сознанія новыхъ народовъ опредѣляли себя, какъ антиримскія — какъ на примѣръ, германское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что всѣ западныя культуры — дѣти Рима, хотя иногда и непокорныя дѣти.

Наши отношенія къ Византіи, быть можетъ, подобны отношеніямъ германской культуры къ Риму. Это отношенія борьбы, но безъ утраты основного единства. Взять хотя бы, на примѣръ отношеніе къ Византіи первыхъ русскихъ крещенныхъ людей. Они все получили отъ Византіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и отталкиваются отъ Византіи: „Суть же греци льстиви даже до сего дне“, — характеризуетъ грековъ Несторъ. Русь, получивъ вѣру отъ Византіи, утверждаетъ свое особое религиозное призваніе „работниковъ, пришедшихъ во единонадесятый часъ“, канонизируетъ русскихъ святыхъ вопреки волѣ Византіи. Отношенія Руси къ Византіи — очень сложны. Пытаясь охарактеризовать своеобразіе Руси по отношенію къ Византіи, легко впасть въ извѣстную вулгаризацію и упрощеніе. Но всеже — попробуемъ указать нѣкоторыя отличительныя черты.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить духъ свободы, несомнѣнно сказывающійся и въ политической жизни древней Руси, свободы, напоминающей европейскій феодализмъ. Этотъ духъ свободы,

утраченный въ Москвѣ, мы ощущаемъ въ жизни Россійской имперіи, если не въ сферѣ государственной, то въ сферѣ духовной, въ творествѣ интеллигенціи. Культуры Кіева, Новгорода, Петербурга — культуры свободы, а не культуры восточнаго деспотическаго типа.

Второе — при изученіи религиозной жизни древней Руси, поражаетъ то, что можно назвать православнымъ евангелизмомъ — открытіе (еще въ XI вѣкѣ) чело-вѣческаго образа Христа, Христа уничиженнаго, — страждущаго, а не прославленнаго, и стремленіе воплотить въ жизни, въ святости „кенозисъ“ — (вольное уничтоженіе, „истощаніе“) Христа, стремленіе подражать ему въ этомъ отношеніи. Юродство есть одна изъ формъ русскаго „кенозиса“. Эта основная устремленность проходитъ чрезъ всю исторію русской души, и живетъ — какъ это ни покажется страннымъ — даже въ безбожной русской интеллигенціи.

Въ области эстетики мы, несомнѣнно, чрезвычайно многимъ обязаны Византіи. Однако въ сознаніи Россіи всегда существовало ощущеніе противоположности между пышностью барочнаго декаданса Византійскаго искусства и простотой христіанства. Это требованіе простоты, съ такой силой сказавшееся въ Пушкинѣ и Толстомъ, простоты, которой мы не находили въ Византійской культурѣ, построенной на позднѣйшемъ эллинизмѣ, бывало порой — при непониманіи извѣстной законности барокко — даже губительнымъ для насъ, открывая, какъ, напри-мѣръ, Л.

Толстого, отъ церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — требованіе простоты — черта дорога намъ, отъ которой мы не можемъ отказаться.

Въ Москвѣ происходитъ осложненіе нашей связи съ Византіей. Въ Москвѣ наблюдаемъ двойной процессъ ориентализаціи — чрезъ усвоеніе началъ Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ — сильныхъ влияній съ Востока.

Эта двойная ориентализація — оказалась чрезвычайно опасной для русской души. Опытъ Москвы показываетъ, что ориентализація въ такихъ дозахъ можетъ быть смертельной — привести къ утерѣ русской культурой живой силы религиознаго чувства, а потомъ и къ омертвенію всѣхъ тканей культуры.

Создавать культуру, строить государство въ формахъ Востока Русь не могла. Отсюда — естественная неизбѣжность и жизненная правда реформъ Петра. Петръ чрезъ соприкосновеніе съ Западомъ воскресилъ древнія начала русской жизни, хотя и цѣною необычайныхъ трудностей. Благодаря этому 19 вѣкъ — величайшій вѣкъ въ исторіи Россіи, когда она впервые за все время своего бытія заговорила полнымъ голосомъ, дала міру то, что могла дать — св. Серафима Саровскаго и Пушкина.

Стоя на почвѣ 19 вѣка — этого русскаго классицизма, можно возвращаться и къ Византіи, и къ древней Греціи. Это основная линия — чрезъ Византію — къ Греціи. Съ этой большой дорогой мы можемъ дѣлать экскурсы и на Востокъ и на Западъ, можемъ воспринимать и прерабатывать элементы Востока и Запада. И

въ этой творческой переработкѣ элементовъ двухъ міровъ — можетъ быть — и заключается своеобразіе историческаго призванія Россіи. Западъ усумнился нынѣ въ основахъ творимой имъ культуры, Западъ обращается къ Востоку, и передъ нимъ стоитъ угроза затопленія Востокомъ. Можетъ быть, Россія, переживъ всѣ опыты отравленія и Востокомъ и Западомъ, окажется болѣе свободной, болѣе здоровой, ока-

жется подлиннымъ центромъ между Римомъ и Пекиномъ, Римомъ и Бенаресомъ.

Востокъ и Западъ готовы вступить въ бой. Россія должна сохранить независимость въ этомъ столкновеніи. Ея призваніе — крестить Востокъ и быть посредницей религіознаго просвѣтленія Востока христіанствомъ.

Въ этомъ своеобразіе исторической миссіи Россіи.

„Когда это кончится“?

(Вопросъ на вопросъ.)

(Отвѣтъ Владыкѣ Антонію.)

Въ № 12 журнала „Церковная жизнь“ (издается при Архіерейскомъ Синодѣ Русской Православной Церкви за границей) помѣщена замѣтка Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія по поводу напечатаной въ „Вѣстникѣ“ статьи „О смертной казни*“). Владыка Антоній въ своей замѣткѣ обвиняетъ „Вѣстникъ“ въ „каноническомъ невѣжествѣ“, въ крайней „недбросовѣстности“ и — даже — въ разрушеніи православія. Считаемо необходимымъ привести эту замѣтку полностью.

„Прочиталъ я въ Вѣстникѣ Христіанскаго Студенческаго Движенія статью „О смертной казни“, въ которой авторъ совершенно игнорируетъ правила Св. Вселенскихъ Соборовъ, какъ это и вообще обычно дѣлается на страницахъ названнаго выше журнала.

*) „Когда это кончится“. Церковная Жизнь № 12. 1933 г.

Между тѣмъ имѣется правило въ каноническомъ посланіи Св. Аѳанасія Великаго, которое опредѣленно излагаетъ ученіе Св. Церкви о допустимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ убійства, напр. на войнѣ. Правило это гласитъ: „Ибо и въ другихъ случаяхъ жизни обрѣтаемъ различіе, бывающее по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, напримѣръ: непозволительно убивать, но убивать враговъ на брани, и законно и похвалы достойно. Тако великихъ почестей сподобляются доблестные въ брани, и воздвигаются имъ столпы, возвѣщающіе превосходныя ихъ дѣянія. Такимъ образомъ одно и то же, смотря по времени, и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, и благо временно, допускается и позволяется“ (посланіе къ Амуну монаху).

Вся двадцатая глава Второзаконія и нѣкоторыя другія главы Ветхаго Завѣта требуютъ отъ